

Мраморы Каррары

"Сидим у компьютера с Люсиком Межбергом, читаем тебя, читаем всякие штуки. Говорим до умоотказа.

Люсик чудный художник и все остальное тоже. Милая Одесса! Действительно, особый город. Обнимаю, Эвелина", — вот такое письмо из Милана...

Действительно, особый город — Одесса! Не мною первой было и не мною последней будет замечена эта благословенная способность

одесской земли, одесского воздуха, одесского солнца и моря, зелени листьев весной и красных листьев дикого винограда осенью, словом, всего, что "блещет югом и пестреет разнообразностью живой", чтобы рождать и пестовать таланты, а потом щедро дарить их всему миру, распространять одесские "семена и побеги" по всему земному шару.

Строчки из миланского письма еще раз об этом напомнили.

Люсик Межберг более тридцати лет назад уехал из Одессы известным и любимым многими художником — расставание с ним было печальным...

В самом конце пятидесятых годов — первая персональная выставка Люсика Межберга на Большой Арнаутской (тогдашней Чкалова) угол Белинского — в доме художников, в маленьком выставочном зале). В политическом климате — "оттепель". А на картинах Люсика — воздушных, залитых светом, солнцем, впитавших уроки импрессионистов и южнорусской школы, — вибрирует, трепещет, переливается сочными мазками, тончайшими цветовыми нюансами одесская весна, одесское лето!

Я еще только вынашивала мечту об искусствоведении, пропадала в кабинете искусств библиотеки Горького, зачитывалась "Французскими тетрадями" И. Эренбурга, всей доступной тогда литературой об импрессионистах, дружила с художниками и архитекторами, и тут — выставка Межберга!

Наверное, от молодости и восхищения, переполнявшего меня, я решилась на первое "искусствоведческое" выступление в своей жизни. Так что могу считать и Люсика Межберга одним из своих "крестных отцов".

Через год я поступлю в Ленинградский университет, и во время первых зимних каникул Женя Голубовский поведет меня в гости к Люсику Межбергу — на Полицейскую — Розы Люксембург — Бунина. (Люсик жил по соседству с доктором Циклисом, и я, естественно, тогда не догадывалась, что вскоре и этот дом, и внучка Ильи Ефимовича Эдда войдут в нашу жизнь.)

В маленькой комнате на мольберте стоял большой холст, над которым Люсик тогда работал. Это была "Девочка с ананасами", которую в том же году он подарит нам с Женей на свадьбу. Так более сорока лет мы живем, не разлучаясь с "Девочкой" Люсика Межберга...

Люсик был так же осиян каким-то внутренним светом, как и его холсты. Менялись мастерские, квартиры, но где бы ни обитал Люсик, мы были неизменными его гостями, да и не только мы. Повести, показать работы Межберга приехавшим в гости москвичам, ленинградцам — было священным ритуалом. Мы заглядывали в глаза приезжим, начинают ли они светиться от живописи нашего друга? И нехотя покидали мастерскую счастливыми оттого, что смогли подарить встречу с художником и его живописью "иноземцам".

Сколько смешных, трогательных эпизодов, связанных с Люсиком, хранит память!

...Я подхожу к остановке четвертого трамвая на углу Успенской и Преображенской, чтобы ехать к Ксаночке Добролюбской. На остановке стоят два друга — Люсик Межберг и Алик Суконик. Объятия, радостные восклицания, как будто мы не виделись несколько месяцев!

— Ты куда?

— К Ксаночке!

— Поехали с нами — "Черноморец" играет!

О, этот азарт одесских болельщиков "Черноморца" тех лет! Люсик был страстным болельщиком, и в письмах "оттуда", не уставая, спрашивал о счете, о победах и поражениях любимой команды.

...Наша общая подруга Женя Беркович снимает квартиру у Фриды — вдовы репрессированного украинского писателя Леся Гомина. Более чем скромная, даже по советским меркам, обстановка однокомнатной квартиры на Островидова. (Мы все тогда еще живем рядом друг с другом.) Единственно, чем она выделяется от многочисленных подобных ей квар-

тир, прижизненным портретом писателя, любовно и самоотверженно сохранным Фридой, которая большую часть времени проводит в Казахстане, где со времен ссылки осталась ее и Леся Гомина дочь.

Большой компанией — за столом, на диване, на полу — мы сидим во Фридиной комнате в гостях у Жени Беркович. Люсик в ударе — искрометный юмор, ирония — вызывают соответствующую реакцию у присутствующих, тоже, нужно сказать, за словом в карман не лезущих. Смех заполняет тесное пространство комнаты. За всем этим с портрета сурово наблюдает писатель. Люсик в какой-то момент оглядывается на портрет и говорит: "А в кімнаті стояв великий гомін!".

Мы встречаем Новый год у Алика Суконика. Утром выходим на улицу всей компанией, и Люсик говорит: "Давайте пойдем на Главпочтамт, вдруг мы получим письма до востребования?!". И хоть все понимают, что писем никому не будет, но мы идем Садовую и по очереди выясняем, нет ли письма. Просто хотелось продлить очарование новогодней ночи, первого новогоднего утра, не хотелось расставаться... Хоть до настоящего расставания было еще далеко.

А оно приближалось, но мы об этом тогда еще и не знали, и не ведали.

Еще один Новый год в последней одесской квартире Люсика на Торговой. Был устроен маскарад. Люсик преобразился в Хроноса — на его торсе, подвешенный к поясу, болтался маятник. Было весело, и мы еще не догадывались, что этот шутовской маятник по-своему уже отсчитывает час, приближает расставанье. Вскоре художник уехал...

Какие-то пустячные вроде бы эпизоды припоминаются, но, как говаривала Ксана Добролюбская, "Пустячок, а приятно". Вспомнить, — добавлю я от себя.

Межберг приехал в Одессу почти через тридцать лет после отъезда. Аня Голубовская в галерее "Либерти" устроила выставку из тех работ художника, которые еще оставались в Одессе, в частных коллекциях. (Нужно сказать, что Люсик был необыкновенно щедрым, он постоянно дарил свои работы друзьям. А у Сукоников им была расписана целая стена с милыми приметам одесского быта — примусом, сковородками, скумбрией-качалочкой, табуретками, о чем теперь вспоминается с нежностью и грустью. Вряд ли эта роспись сохранилась, вытесненная каким-нибудь евроремонтom... Многие, уезжая, забирали картины Межберга с собой. К счастью, все-таки на выставку еще хватило работ, оставшихся в Одессе.) Это была встреча! Как радовались хоть на короткое время возвращению Люсика до отказа заполнившие галерею художники, друзья и знакомые.

Сколько объятий, слез, поцелуев, воспоминаний! И все это в пространстве прекрасной живописи Межберга!

Люсик был не только щедрым, но и очень преданным человеком. Таким и остался. Второй раз он приехал в Одессу на выставку Дины Михайловны Фруминой, своей любимой учительницы.

И вот это письмо из Милана от Эвелины Шац о встрече с Люсиком Межбергом, с которым они были знакомы в юности.

Эта одесская юность, настоящая на запахах моря, акаций, на легких летних дождях, сквозь прозрачные косые линии которых выглядывает солнце, юность с терпким вкусом богемности, с легким одесским вином, со стихами, с романами Ремарка и Хемингуэя, с долгими прогулками от Ланжерона до Аркадии, а то и до Фонтана, медленными проходами под густыми кленами Французского бульвара, с ночными заплывами в фосфоресцирующей воде до буйка и дальше, с талантливой живописью, с сумасшедшими влюбленностями, с танцами и сердцебиением, кружащейся головой от пьянящей близости партнерши. "Запах женщины"! Как недавно и как давно это было...

Жизнь, казалось, развела навсегда.

Эвелина Шац училась в Московском университете, приезжала в Одессу, где оставалась мама и друзья, потом уехала в Италию.

Кажется, Константин Батюшков, "оплакавший Тасса", был первым из русских поэтов, для которых Италия стала манящей и желанной... Что уж говорить о Пушкине, Баратынском — и так до Мандельштама и Иосифа Бродского. Для Эвелины Италия стала Судьбой.

Стремительно и отважно (ведь сказал кто-то: "Жизнь требует усилия и отваги!") вошла в итальянскую культуру стихами, рукотворными книгами, переводами, эссеистикой, театральными проектами. С горбачевских времен, может, неожиданно даже для себя она начала писать стихи по-русски, вернулась в простор русской речи своими книгами. Как и в Италии, в Москве проходят выставки ее книг, работ, в концертах звучат ее стихи, музыку к которым пишут итальянские и русские композиторы. Москва откликнулась на ее творчество монографией "Археология поэта. Словарь поэтических образов Эвелины Шац", написанной тремя авторами, преданными науке, поэзии и Эвелине, — Аллой Головановой, Верой Калмыковой и Геннадием Кулакиным.

И, наконец, третий приезд Межберга в Одессу этим летом — с выставкой своих акварелей. Все, кто побывал в галерее "Мост" на этой выставке — друзья, художники, любители живописи, — увидели и что-то пронзи-

тельно знакомое, вернувшее в далекую юность, и новое — безупречное мастерство художника. Не случайно же в одной из своих статей Михаил Шемякин, стилистика которого никак не похожа на трепетную и сокровенную живопись Люсика, Михаил Шемякин, кажется, не слишком щедрый на похвалы, назвал Льва Межберга "лучшим колористом в современной мировой живописи".

В этих акварелях переплелись итальянские мотивы — жанровые сцены, музыка, великая архитектура. Кажется, Лев Межберг может, как и Микеланджело, назвать одну из самых волшебных церквей Флоренции — Санта Мария Новелла — "своей невестой". А рядом с итальянскими сюжетами — живописные воспоминания об Одессе, о древнем Аккермане. Собранные вместе, они звучат в унисон, эти две мелодии средиземноморской культуры.

Люсик создал цикл работ, посвященных Учителям, тем, кто не только стал олицетворением лучшего в южнорусской школе, кто соединил в ней французскую утонченность и одесскую колористическую чувственность, но и воспитал поколения художников одесской школы. Это Теофил Борисович Фраерман, Владимир Михайлович Синицкий, Николай Андреевич Шелюто и Дина Михайловна Фрумина, успевшая еще посмотреть эту выставку своего любимого ученика, перед тем как уйти навсегда...

Одесса подарила культуре среди многих других и эти два таланта — Люсика Межберга и Эвелины Щац.

Через много лет они вновь встретились в Италии.

И сделали книгу — стихов Эвелины и рисунков Люсика.

...Их объединяет память об Одессе.

...Их объединяет причастность и служение высокой культуре.

...Их объединяет "Востока незваная власть" — вторая книга итальянских стихов Эвелины, вышедшая в Милане в 1986 году, называлась "Самарканд, или Книга церемоний", а у Люсика была ослепительная "Самаркандская серия" живописи и графики.

...Их объединяет любовь к музыке, которой пронизано творчество обоих. Не могу судить о жизни на Западе, но одесская консерватория была для Люсика вторым домом. Для Эвелины же вторым домом в Милане стала "Ла Скала".

...Их объединяет любовь к Иосифу Бродскому. Уже много написано о том, как Бродский снимался на Одесской киностудии в фильме "Поезд в далекий август", как киевские власти велели вырезать все отснятые эпизоды с участием опального поэта. Будущий Нобелевский лауреат жил тогда в Одессе в мастерской Люсика Межберга...

Эвелина живет в Милане и подолгу бывает в Москве.

Люсик Межберг (это для Запада он Лев или даже Лео Межберг, для нас он так и остался Люсиком, как для нас Эвелина осталась Линой) живет теперь в Карраре.

...Много лет подряд, рассказывая своим студентам о Микеланджело, я упоминала Каррару, где в течение года отбирал знаменитый мрамор для так и оставшегося не осуществленным грандиозного проекта гробницы папы Юлия Второго великий Буонаротти. Я произносила "Каррара", а память выталкивала строки Марины Цветаевой "После мраморов Каррары как живется вам с трухой гипсовой...". Но у меня нет повода к яростному цветаевскому противопоставлению.

У меня были и остались мои "Мраморы Каррары". И среди них Эвелина Шац и Люсик Межберг, одесситка и одессит, нашедшие вновь друг друга в Италии, в окружении волшебных мраморов Каррары...

